

К 100-летию Александра Яшина

НИКОЛЬСК - БЛУДНОВО - МОЯ СУДЬБА

Встречи с Александром Яшиным. Воспоминания Александра Пшеничникова

В книге «Земляки помнят» в разделе от составителя критик Василий Обутов пишет: «Воспоминания близких и знакомых отражают различные периоды жизни писателя. И это хорошо, что они написаны людьми очень непохожими и отличаются своеобразием своих связей с писателем. Здесь воспоминания Белова, Романова. Здесь бескомпромиссность правдоискателя Алексея Павлова и непосредственность чувств Александра Пшеничникова, навеянных юношеской дружбой с будущим писателем.

Их встречи начались с учебы в педтехникуме. В воспоминаниях земляка-однокурсника Александра Платоновича Пшеничникова можно заметить, какое взаимное влияние оказывали они друг на друга в течение всей жизни. В их отношениях чувствовалось уважение друг к другу.

По происхождению они оба из крестьянских семей при единоличных хозяйствах. Рано познали тяжелый непосильный крестьянский труд. Александр Яшин отца не помнил (он погиб в 1-ю мировую войну), но с удивительной откровенностью и мудрой простотой сказал сам Яшин, говоря о духовных отношениях с собственными детьми: «...дело в том, что я не просто выходец из деревни; из хвойной глухомани – а я есть сын крестьянина».

После окончания 3 классов в деревне он сбежал учиться в Никольск. Окончив 7 классов, поступил в Никольский педтехникум, но в летние каникулы все время работал в деревне.

А Александр Пшеничников тоже сын крестьянина-середняка. Остался без отца и матери с 5 лет и был на изгнании из родного брата, который, приедя из армии, оставил Александра после окончания семилетней школы в Никольске для работы в единоличном хозяйстве в деревне Осиново.

Но, непосильно работая, Саша мечтал об учебе дальше и готовился для поступления в педтехникум. Брат был против учебы и сказал: «Иди, но от меня ничего не требуй!». Так они оказались в педтехникуме.

1928 год. Учеба в педтехникуме

Мы лежим на траве в садике Никольского педтехникума. Лицом ко мне, подперев голову рукой, лежит студент первого курса Сашка Попов. Круглое веснушчатое лицо его выражает сосредоточенность, упрямо поблескивают выразительные глаза.

Интересно жил техникум в те годы. Многие учащиеся техникума жили тогда коммуной. Общая еда была узаконена, и этот закон стал переходить и на одежду. Так коммунары умудрялись разнообразить свой гардероб и на вечер. А в школу ходили в комсомольской форме – в гимнастерках и брюках галифе зеленого цвета с широким ремнем и в портупее через плечо. Студенты толковали о переустройстве жизни и о том, какую роль будут играть в этом они.

«Мир хижинам – война дворцам» – этим определялись все наши отношения. Пережитками капитализма считалось мещанство. Об этих «остальных людях» говорили в классах, на комсомольских собраниях, громили ядовитыми частушками, фельстонами. Около сотни человек пело в хоре, немногим меньше играло в струнном оркестре, десятки человек показывали на вечерах гимнастические пирамиды. В организации «живых газет» вовлекались сдали не все учащиеся.

В педтехникуме был литературный кружок и редколлегия. Мы активно участвовали во всех общественных мероприятиях техникума. Как-то сообщили нам, что в программу вечера включены стихотворение Попова и мой фельстон, и предупредили, чтобы читали с чувством, и еще предложили составить сатирические частушки.

И вот мы с Сашкой Поповым сидим в кабинете первого редактора газеты «Никольский коммунар» и слушаем разбор нашего творчества. Иван Николаевич медленно шаляет около своего стола и, беря со стола то стихи Попова, то мои заметки, зачитывает из них отдельные несложные предложения и тут же поправляет. Мне стыдно за мою несущаризу. Не лучше чувствует себя и Саша. Редактор смотрит на нас и усмехается:

– Согласны с моими замечаниями? – И, взглянув на меня, спрашивает: – Ты, кажет-

ся, едешь в деревню? Теперь это передовая линия: ликвидация неграмотности, заготовки, создание колхозов – такие дела, которые изменят жизнь до неузнаваемости. Вот и пиши обо всем этом. В преобразовании деревни сельским корреспондентам будет принадлежать почетное место. Это бойцы за все новое. Только помни, что материал должен быть правдивым от первого до последнего слова. Ну, желаю вам удачи!

– А я буду писать стихи! Буду учиться и писать стихи, – заверил меня Саша и негромко продекламировал:

*Плачет где-то иволга, склонясь в дупло,
Только мне не плачет – на душе светло.*

И добавил: «Люблю я Есенина».

Это было начало его писательского творчества. Его стихи уже печатались в газетах Никольска и Великого Устюга».

А первая заметка Александра Платоновича была написана в разделе «Нам пишут» в газете «Советская мысль» Великого Устюга в 1923 году, когда он учился в шестом классе Никольской трудовой ударной школы и был членом редколлегии. Заметка была о телефонизации сельсоветов. «В Осиновском сельсовете Никольского района установлен телефон», – писал он. «Появилось мое первое печатное слово», – радовался он. И почтовая марка была оплачена гонораром.

...«Жизнь развела нас. Но, живя в деревне, я читал в газетах новые стихи, подписанные «Александр Яшин», и радовался за друга».

1944 год. Ноябрь

Я сижу в небольшом нетопленом зале Никольского клуба работников просвещения. На трибуне стоит широкоплечий моряк в черной шинели и читает стихи о мужестве советского солдата, о его любви к своей Родине, о ненависти к фашизму. Я узнаю голос, порывистые движения рук, острый взгляд Сашки Попова.

Но теперь это уже другой человек. Это солдат, которому пришлось понюхать пороха в боях за Ленинград и Сталинград. Это поэт Севера – Александр Яшин. После встречи с земляками он засыпал меня вопросами. Как ты жив? Есть ли кто теперь в Никольске из наших общих знакомых?

Домой мы брали медленно. Улицы, утонувшие в темноте – безлюдны. Александр Яковлевич иногда останавливал меня, указывая на силуэт дома, вспоминал:

– В этом доме жили санцаны. Где-то они? А здесь жили девушки. Как сложилась их судьба? Наверное, дожили до тюлевых занавесок и смотрят через них на мир божий.

От этих слов меня покоробило.

– Плохо ты знаешь этих людей.

Вспомнились долгие годы учительской работы, сотни взрослых, что прошли школу ликбеза. Вспоминалась борьба за каждый килограмм хлеба, мяса, масла, за каждый кубометр леса, бессонные ночи при создании и укреплении колхозов (собрания зачастую проводились ежедневно и ночами) и война, вымотавшая у тружеников тыла все силы.

Александр Яковлевич положил мне руку на плечо:

– Не горячись, не хотел я тебя обидеть.

У здания техникума мы остановились.

– Присядем здесь. Помолчим. Здание средней школы и это – для меня святы.

И снова вспоминали:

– Где Василий Ножкин? – спросил Яшин о бывшем директоре средней школы. – Когда ты последний раз видел его?

– В сорок втором году я встретил партию никольчан, отправляющихся на фронт. Среди них был и Ножкин. В том же году на него пришла похоронка. Погиб геройски...

Александр Яковлевич вздохнул:

Пшеничников Александр Платонович (31.07.1909 - 17.11.1974 г.г.). Педагог, писатель, журналист. Директором Кожаевской школы работал с 1939 по 1965 годы. Однокурсник, друг и единомышленник Александра Яковлевича Яшина.

– Да, нашему поколению пришлось всего вдоволь хлебнуть.

– А куда повела тебя дорожка после окончания техникума? – полюбопытствовал я.

– Работал учителем в Чебсаре, но не лежала душа у меня к этому делу. Тянуло к литературе. Кончил литфак Вологодского пединститута, работал в газетах Вологды и Архангельска. В Архангельске вышла первая моя книжка «Песни Севера». Читал? А рецензию на нее видел? Да, поправили меня тогда вовремя. Был на фронте. Теперь живу в Москве. Окончил институт имени Горького. А как у тебя с учебой? – спросил Александр Яковлевич и, услышав ответ, удивился: – Почему на географическом, а не на литфаке? Несужели ты бросил писать?

– Нет, увиденное я записывал. Больше всего меня поражало мужество и выносливость наших никольских женщин. Голодные, холодные, с кучами ребятишек, они ксят, стогуют сено. Если же лошадей нет, то пашут на себе и сами же на санках из деревни везут в поле навоз. Поплачут, иногда поругаются и опять за дело. С полей даже колоски собраны и на лугах не оставлено ни куска травы – и все женщины. Они и председатели, они и бригадиры...

– Ты эти записи свои собери и пошли мне в Москву. Сам я подумываю написать поэму о женщинах-крестьянках. Поживу в Блуднове, посмотрю...

Письмо из Союза писателей порадовало меня мало. Александр Яковлевич послал мне бодрящее письмо: «Сашка! Читал я твои заметки и рецензию. Не горячись! Из этого материала можно сделать хорошую книжку, если над ней как следует посидеть. Помни: не боги горшки обжигают. Желаю тебе упорства и настойчивости!»

Встреча с Яшиным в Вологде. 1950 год

Редакцией газеты «Красный Север» был объявлен конкурс на лучший рассказ. Один из своих рассказов послал я. Жюри он был одобрен, и меня пригласили на совещание молодых писателей области (съезд).

Моим спутником оказался студент Никольского педагогического училища Геннадий Горчаков. В открытом кузове автомашины, около ящиков и бочек, по октябрьской дороге тряслись мы до Устюга. От Устюга пароход довез нас до Котласа на вокзал. После бессонной ночи на вокзале мы добрались до вагонной полки. Пересядились все неудобства, мы утешали себя тем, что увидим живых писателей, услышим их разговор. Ради этого можно было износить синяки, полученные в дороге.

Геннадий Александрович вспоминал: «Я

был молод, учился на втором курсе, и вез с собой тонкую тетрадку стихов».

К чему так много говорить о доброте, Не лучше ли стать действительно добре.

(Г. Горчаков, его стихотворение «О доброте»).

«А Александр Платонович к тому времени много работал, хорошо знал жизнь, активно печатался в областных газетах, был личностью, известной в Вологде. Я отношу его к людям неординарных суждений и взглядов. А с Александром Яшиным они встречались как старые друзья. Да, это так и было. Дружба их была чистой и бескорыстной. «Хорошо сделась – найдем место, а плохому никакие знакомства не помогут», – говорил Яшин.

На съезде я снова встретился с Яшиным. До начала совещания мы сидели в буфете. В это время Александр Яковлевич был уже членом правления Союза советских писателей, лауреатом Государственной премии, что мне было известно.

Я с интересом вглядывался в него и видел перед собой человека в полном расцвете сил, в модном костюме, при галстуке и с аккуратно уложенной прической. Но скучающее лицо, проницательный взгляд, никольский выговор и быстрые движения рук оставались в нем от прежнего Сашки Попова.

– Ну, ладно, рассказывай, как добрался. Что из написанного приспал?

– Пока пять страниц.

– Не густо, – но пообещал, – я посмотрю. Про Никольск и Блудново не спрашиваю. Зайдешь ко мне – расскажешь. Я живу в «Северной».

Три дня я просидел на совещании. Было интересно видеть людей, создающих книги, слушать их советы начинающим авторам.

«В писательском деле требуется два процента таланта, а девяносто восемь процентов должен занимать упорный настойчивый труд», – поучал нас руководитель совещания Сергей Викулов.

«Только страница, выношенная в душе, десятки раз переделанная, может быть интересной для читателя», – наставлял меня и Кончев.

После окончания работы совещания я встретил Кончева и Яшина на улице. Подхватив меня под руку, Александр Яковлевич пожаловался Константину Ивановичу:

– Не признает меня земляк. К себе звал – не идет. Теперь, браток, не отпуши.

– Боюсь примазаться к чужой славе, – постарался я скрыть свое смущение.

У себя в номере Яшин долго расспрашивал меня о Блуднове и его людях, а потом признался:

– Мысли мои часто улетают из Москвы в Блудново. С кожей оторвал я себя от деревни. Летом обязательно приеду. Поклонюсь там от меня реке и лесу. Читал «Алену»?

Что скажешь?

– Все уже об этом сказано.

– Теперь о тебе. У нас есть такое мнение, что при определенных условиях из тебя могут выйти неплохой литератор. Но ты слышал, какие требования предъявляет жизнь к писателю. Сможешь ли ты отдать себя целиком литературе?

– Я учитель, мое время забирает эта работа.

– Делай записи – это тебе пригодится. Будут рассказы – посыпай мне. – И на прощание поинтересовался – Есть ли у тебя деньги на дорогу?

И еще вспоминается... Июльским теплым вечером я встретил «Победу». Поравнявшись со мной, она остановилась. За рулем сидел Александр Яковлевич.

– Едем в Блудново рыбачить, – предложил он, но я отказался. – Приезжай завтра утром. Отдохнем. На весь день уйдем на реку. Ведь завтра у тебя выходной?

На другой день мы с Александром Яковлевичем шли к Бобришному Утогу через поле, засеянное кукурузой. Яковлевич иногда сходил с дороги, выдирал южанку с корнями, рылся в них и зло бросал обезжизненное растение на дорогу. Полеказалось серым, безжизненным. По нему бродили грачи.

У ворот из поля встретили небольшого сухонького старичка.

– Покурить, Яковлевич, не найдется? Виши вот, поле-то засадили заморской королевской... а меня в охраники приставили:

Окончание на 4 стр.

К 100-летию Александра Яшина

«Проворонишь – в должности понизим». Три недели она сидела не показывалась. Потом вылезла, пожелтела и зачахла. В общем, я ношу решетом воду.

Рассказ старика напомнил мне бессмыслинность своих дел, и по дороге к реке я пожаловался Яшину:

– Я тоже ношу решетом воду. В апреле всех директоров школ предупредили о том, чтобы они на лето в своих школах приспособили классные комнаты для выращивания цыплят. В мае к моей школе подкатила колхозная грузовая машина с четырьмя тысячами пернатых, а от четырех тысяч осталось три...

Яшин будто не слышал меня. Он мрачно смотрел на дорогу и молча шел до самого берега.

– Постоим здесь, – предложил Александр Яковлевич. – Люблю я этот уголок. Здесь думается мне сделать простую охотничью избушку, приезжать сюда летом и работать среди лесов и лугов, на которых трудились наши отцы и деды.

Настроение у меня было гадкое. Начало портиться оно утром при посещении своей птицефермы. А разговор со сторожем о кукурузной эпопее окончательно вывел меня из нормальной колеи. Директора школы возмутило то, что он тоже носит воду решетом. Хотелось высказать все накипевшее, и я обрушился на Яшина:

– Почему в литературе нет настоящей жизни, что происходит рядом, здесь и сейчас, а пишется только о том, что было и что будет. А колхозники ежедневно спрашивают меня, для чего все эти причуды с заморской королевой и цыплятами. Что я могу ответить?

– Все? Ты что, ругаться пришел? – спросил Яшин.

– Не Вам бы и не сказал...

В эту встречу мы говорили обо всем: и о бессмыслицах решений, которые мешали жить малой родине, и об участии литературы в общественной жизни, чтобы она была чище и лучше. Так как у нас по-прежнему не клевало, я отошел на другое место, и через полчаса три здоровенных сорожки затрепыхались на берегу. Яковлевич подошел ко мне и забросил леску рядом с моей. Но поплавок его был по-прежнему неподвижен.

– Что за чертовщина? Нашел ты что-то?

Я показал ему мой крючок и дал кусочек хлебного мякиша. И под вечер с полной сумкой сорожняка, ельцов и головлей мы взбирались на Бобришный Угор.

1954 год

Я прочитал речь Александра Яшина на Втором съезде писателей и понял справедливость его слов о том, что судьба никольских людей – это его судьба, что он мужественный человек, способный отстаивать свои убеждения. Вот что он в частности говорил:

– С позиции советского человека, а не с позиции обывателя и ворчуна, мы можем и должны писать и говорить обо всем, что встречаем в жизни неверного, ошибочного, и мы никогда не ошибемся. Мало поклясться в верности принципам социалистического реализма, надо драться за их торжество и в литературе и в самой жизни.

С этих же позиций выступал Александр Яковлевич и на четвертом областном совещании писателей в Вологде в 1960 году. В перерыв он подошел ко мне. В руках у него было два томика альманаха «Литературная Вологда», в которых были напечатаны мои рассказы.

– Давай, давай, смелее иди! Это хорошо, что кисельных берегов у тебя нет и злости к гадости хватает. А почему ты сделал рассказы? Ведь это очерковый материал. Видел я точно такое у нас на родине. И меня потянуло к прозе. Думаю написать очерк о Никольшине. Найти бы только зацепку.

Вечером мы бродили по центральной улице Вологды.

– Зайдем в буфет, посидим, – предложил Яшин и за кружкой пива рассказал. – Собрался я сюда ехать, вдруг звонок в дверь. В квартиру вошел здоровенный мужчина средних лет. Назвался учителем из Никольского района. В больницу, говорит, попасть не могу: и с направлением не принимают. Я позвонил в больницу, обещали устроить. Праздником для меня бывают дни, когда чем-либо помо-

жешь своим землякам. Тянет родина к себе. Даже во сне я часто вижу дорогу по блудновским полям...

Да, а чем дело кончилось с кукурузой? И сколько выросло и возмужало в твоей школе пернатых? Я в Москве рассказывал своим коллегам о старике-стороже и о цыплятах в классных комнатах. До слез смеялись... А прибаутки старика и до сих пор ходят среди нашей братии.

Старика в должности не понизили. Он верой и правдой служил вдове королеве, оберегая ее от грачей, пока поле не перепахали, – доложил я. И про себя сообщил, что похвал за цыплят не получил, но и в должности меня тоже не понизили. Вскоре после встречи на реке приехал в колхоз работник обкома. Зайдя в школу и увидев цыплят в классах во время экзаменов в выпускном классе, приказал председателю колхоза: «Немедленно убрать!». От четырех тысяч осталось около пяти сотен. Эти «герои» скучную еду и декабрьские морозы перенесли стойчески.

Александр Яковлевич громко рассмеялся, вытирая слезы.

– И не смеяться нельзя. Но после таких рассказов не о кисельных берегах писать захочется.

«Вологодская свадьба»

«Вологодскую свадьбу» я прочитал два раза в течение суток. Факты, изложенные в очерке, путались, наскакивали один на другой и подменялись собственными наблюдениями над никольской жизнью. Второй раз читал медленнее и внимательнее и не нашел ни одного положения, которое я мог бы опровергнуть. В течение двух месяцев очерк читали и говорили о нем везде: в клубе, в школе, в избе, где даются наряды на работу, женщины при встречах, мужчины у пива. В городе обсуждение «Вологодской свадьбы» состоялось в читальном зале библиотеки. Направление в оценке «Вологодской свадьбы» было дано свыше. Во мне кипела злость на подобных указателей сверху.

В июне 1963 года я оказался проездом в Москве. Поезд пришел утром, а другой – на Ригу – отправлялся ночью. Я зашел к Александре Яковлевичу на квартиру.

– Чай нам и к чаю, – обратился Яшин к жене.

Каким-то усталым, осунувшимся показалась мне Александр Яковлевич. Видимо, и я выглядел не лучшим образом.

– Износился ты тоже, Сашка, сморщился, – разглядывал меня Яшин.

– В Ригу еду разглаживать морщины.

– А я тут собрался уже отдать Богу душу, – признался Александр Яковлевич. – Троє суток мы с ним сговаривались. Вначале он, кажется, соглашался принять мою душу, а потом заупрямился. С никольским делами, говорит, сначала разделайся...

Помолчав, Александр Яковлевич достал из ящика стола папку с письмами и спросил:

– Почему из-за «Вологодской свадьбы» в Никольске поднялся такой шум? Я хотел сделать так, чтобы никольчане жили как все советские люди: ездили по хорошим дорогам, слушали радио, смотрели кино, чтоб в каждой избе горели лампочки Ильича.

– Так и поняли большинство, – заверил я.

– Но есть у нас люди, которые всеми силами пытаются забраться выше по служебной лестнице, и для этого все вокруг красят только розовыми красками.

Яшин подал мне папку с письмами. Я читал искренние доброжелательные письма рядовых колхозников и колхозниц из Блуднова, Плаксина, Теребаева, письмо учителя из Калининской школы Алексея Павлова.

– Этому я радуюсь, – сказал он. – Но беспокоят меня вот эта папка. Тут другой разговор. Прочти. – И протянул мне вторую папку.

Здесь авторы писем кричали, как базарные торговки: «Посторожнее, товарищ писатель!», «Клеветать на нас не позволим!». А несколько страниц, напечатанных на машинке, заканчивались даже таким заявлением: «За земляка мы Вас не считаем и отрекаемся от такого землячества!»

– Что скажешь? – спросил Александр Яковлевич.

– Никольшан здесь мало, а те, что есть, расписались под письмом в угоду вышестоящим товарищам. Заводил всей этой трескотни видно по фамилиям. Брось ты все это в печку, а вот первую папку сохрани. В ней

голоса земляков настоящих.

Я очень хорошо понимал душевное состояние Яшина. Человек, в детстве испытавший нужду, воспитавшийся в сиротстве, чаще всего бывает очень чувствительным и несправедливостив. Но он умел подавить в себе обиду.

– Когда поезд уходит в Ригу? – спросил Александр Яковлевич. – Времени у тебя еще много, поедем – покажу Москву.

«Победа» вынесла нас из Лаврушинского переулка и влилась в поток машин. Улица Горького, Проспект Мира, ВДНХ... Всюду машины, всюду люди, и все спешат.

– Гадко у меня на душе, – не отводя глаз от ветрового стекла, пожаловался Александр Яковлевич. – Приглашают меня в Рязань, в Кострому, в Краснодарский край... Но я решил, что поеду в Вологду. Там у меня друзья есть, единомышленники – они помогут пережить эту свистопляску.

Мы долго кружили по московским улицам. Но приходит время отправляться мне на вокзал. И вот уже Яшин крепко жмет мне руку.

– После курорта приходи на Бобришний Угор, я буду там. Никольск и Блудново – моя судьба.

Август. Бобришний Угор

В августе на Бобришном Угоре уже стояла изба из соснового леса, покрытая шифером, с настланными полами и потолком. Окна ее смотрели на излучину реки. Печник воился с глиной и кирпичами, а Александр Яковлевич, помогая ему, что-то записывал.

– Пришел кстати, – обрадовался он мне.

– Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

Мы спустились к реке.

– Как встретили земляки? – полюбопытствовал я.

– По деревне хожу как именинник, а вот начальство от моего приезда морщится. Из Шары через радиостанцию я попросил послать на аэродром машину. Знаешь, они что ответили?

– Не знаю, но предполагаю.

– Хорошо, помог Вадим Каглин.

Мы спустились к самой воде и сели на бревно.

– А поговорить с тобой я вот о чем хотел, – сказал Яшин. – На протяжении десятка лет ты зло высмеивал хагуг, пьяниц, лодырей, тунеядцев – людей, мешающих развитию нашего общества. Радовался я за тебя – выходит на дорогу жизни сатирик. И вдруг в рассказе «Расправа» ты увидел жизнь без сучка и задоринки. Ты не первый рассказ написал, и спрос с тебя должен быть строгим. Литература требует человека всего без остатка.

Я боялся взглянуть на Яшина.

– В том, что литературные способности у тебя есть, нет никаких сомнений. То, что печаталось в «Красном Севере», я читал в Москве и от души смеялся над фельетонами «Кто из кого комедию сделал?», «Доровские музыканты», «В глубокие бы омута», над твоими микрорассказами.

Номера газеты с твоими юморесками я видел здесь, в деревнях, знаешь где? Лежали они на божницах, за иконами. Берут их оттуда люди и перечитывают. Своих стихов в таких местах я не находил, а хотел бы этого.

Александр Яковлевич еще долго объяснял мне: «Прежде чем начать писать, надо до мелочей продумать сюжет, затем приниматься за настоящую писательскую работу: выбирать лишенное, добавлять необходимое и тщательно работать над языком...»

Этот разговор с Яшиным мне крепко запомнился.

Последняя встреча

В следующий раз я побывал на Бобришном Угоре, когда там вместе с Александром Яковлевичем жил и Василий Иванович Белов. С Беловым мы встречались на совещаниях в Вологде. Он читал и рецензировал мои рассказы, и у нас установились доброжелательные отношения.

В избе, кроме сестры Александра Яковлевича, я никого не застал.

– Саша на реке. А Василий Иванович вон на лавочке, – показала она.

Человек небольшого роста с густой бородой и добрыми глазами, копошащийся возле рамы, напомнил мне прозорливых праведников. Какой-то трепетный повесялся на меня.

– Садись, – не поднимая глаз от рамы, предложил Василий Иванович. – Саша попросил сделать окно открывающимся...

– Стамеска и молоток у вас из рук не падают, – заметил я.

– Я ведь работал в бригаде плотников, – признался Василий Иванович. – Пригодилось здесь их наука. Как живешь? Что пишешь? В Вологде давно не был? – засыпал меня вопросами Белов.

Я достал папиросы и предложил Василию Ивановичу. Он взял папиросу, закурил, но предупредил меня:

– При Александре Яковлевиче не курят. Бросает он курить и очень мучительно. Я ухожу на берег и там втихаря балуюсь. Плохи Платоныч, у него дела, сам увидишь. Вон он на том плесе...

Я спустился к реке и пошел по берегу. Александр Яковлевич услышал мои шаги и подал мне знак, чтобы яшел потише. В траве около него блестело несколько сорок, в руках он держал удочку. Яшин сильно изменился. Он стал как будто выше, и одежда казалась ему широковатой. На осунувшихся щеках отчетливей выступили скулы. В взгляде была какая-то грусть. Он положил удочку и сел рядом со мной.

– Непорядок у меня, Сашка, и, кажется, серьезный. Тяжело... А жить, Сашка, хочется! Помнишь историю с моим братом в Пермской? Такая же произошла с сыном в Москве. Теперь злосчастье обрушилось на меня. Много в жизни я перетерпел, выходил из многих трудных положений... Но выйду ли из этого? А жить еще хочется.

А ты как после курорта? Мало морщин убыло. Написал ли что новое? Читал твой «Вирус» и вспомнился мне случай однажды, когда я был в Париже. Тогда я купил поэтический календарь, который крепко деньги лягнул, и для того, чтобы ее приобрести, спасен был пойти на любой компромисс, забыв о роли писателя в нашем обществе и о партийном билете. Так что нам еще как нужны сатирики и Щедрин, и Гоголь.

В разговоре Яшин оживился, но жесты на его лице вызывали тревогу и недоброже чувство.

В 1967-1968 годах на страницах центральных газет и журналов появились статьи,дельно исследующие творчество Яшина. Изменилось отношение к его творчеству и на родине. Сменявшиеся руководство Никольского района начало исправлять ошибки, допущенные предшественниками.

О том, что Александр Яковлевич лежит в московской больнице, что ему делали операцию, что земляки привезли ему в больницу и установили на подоконник возле кровати сосновку с Бобришного Угора, я слышал от многих. И как многие не находил себе покоя: опасение за жизнь Яшина, как заноза терзала мою душу.

11 июля 1968 года перестало биться сердце нашего земляка Александра Яковлевича Яшина. И согласно последней воле писателя, тело его привезено в Блудново. Он просил похоронить его на родном Бобришном Угоре, на том месте, с которого видна река Юг и подступающий к ней бор. Никогда не изгладится в памяти день похорон Яшина. Фасад дома, в котором прошло его детство, весь уставлен венками... Сотни людей толпятся на улице... А переполненные автобусы все прибывают и призывают...

Около покойного – родственники и соседи. На лавке у печки – Василий Иванович Бел